

М. А. ШОЛОХОВ
В РАБОТЕ НАД «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНОЙ»

(АВТОРСКАЯ ПРАВКА В НАБОРНОЙ МАШИНОПИСИ ПЕРВОЙ КНИГИ РОМАНА)

Сообщение П. В. Бекедина

1

Как известно, архив М. А. Шолохова (рукописи большинства произведений довоенных лет, черновые наброски, вспомогательные исторические материалы, ценные бумаги, документы и т. д.) постигла печальная участь — он весь пропал, о чем широкой общественности стало известно лишь в самом конце 1947 г.¹ «Осенью 1941 года Михаил Александрович, побывав на Западном фронте, — рассказывает поэт и драматург А. В. Софропов, хорошо знакомый с Шолоховым, — приехал в станицу Вешенскую, чтобы вывезти свою семью за Волгу. Ящик с черновиками „Тихого Дона“, с главами из второй книги „Поднятой целины“, а также с уникальными заграничными изданиями „Тихого Дона“ он оставил на попечение Вешенского райотдела НКВД. Помимо этого, в ящике находились письма и телеграммы товарища Сталина, адресованные Шолохову, и диплом лауреата Сталинской премии, полученный Михаилом Александровичем за „Тихий Дон“.² В июне 1942 года, при стремительном выходе немцев

¹ См.: *Аралычев И.* В гостях у Михаила Шолохова. — Вымпел, 1947, № 23, с. 23—24.

² В железный ящик писатель сложил все автографы четырех томов «Тихого Дона», «Донщины», первой и второй книги «Поднятой целины», письма А. С. Серафимовича, Н. А. Островского, А. А. Фадеева и другие ценные бумаги (см. об этом: *Викторов А.* Опаленные рукописи. — Известия, 1975, 26 июня, № 147, с. 4; *Черевков К.* Оранжевая папка. — Огонек, 1977, № 4, с. 9). Не исключено, что там находились и какие-то материалы, связанные с ранним этапом шолоховского творчества, — черновики некоторых донских рассказов и даже самые первые литературные опыты будущего писателя, стихотворные и драматургические. Среди утраченных материалов были, по всей видимости, и рукописи произведений, которых мы, наверное, никогда не прочтем. Как известно, во время работы над завершающей книжной эпопеей «Тихий Дон» и над второй частью «Поднятой целины» Шо-

к станции Вешенской, районные организации вынуждены были так поспешно отступить, что весь шолоховский архив в числе других архивов оказался оставленным на одной из станичных улиц. Всю войну ничего не было известно о том, сохранились ли какие-либо документы из шолоховского архива, рукописи „Тихого Дона“ и страницы второй книги „Поднятой целины“.³ Вражеская бомба во время одной из бомбежек станицы прямо угодила в подготовленные к эвакуации на восток ящики с документами и бумагами, среди которых были и рукописи Шолохова; многое безвозвратно погибло, сгорело, кое-что разлетелось по улице и чудом сохранилось.

Однако железный ящик, заполненный шолоховскими рукописями и другими бумагами и исчезнувший при спешной эвакуации ночью, — это только часть архива знаменитого художника, разумеется, самая главная и ценная. Другая часть литературного архива была оставлена им дома. 10 июля 1942 г. фашистские стервятники совершили очередной налет и разрушили шолоховский дом; при бомбежке гитлеровской авиацией станицы Вешенской во дворе дома от осколка погибла престарелая мать писателя Анастасия Даниловна, не пожелавшая покинуть «Мишин дом».⁴ То, чем так дорожил хозяин, оказалось навсегда утраченным или, в лучшем случае, развеянным по ветру.⁵ Удалось спасти лишь крупицы: кто-то подобрал фотографию (как, например, капитан Н. М. Нехаев), кому-то досталась уцелевшая частичка библиотеки (как, например, разведчикам 4-го гвардейского минометного полка, которыми командовал И. Г. Новиков)...⁶ Таким образом, в дни Великой Отечественной войны

шолохов «начал писать рассказы» (см.: *Кетлинская В.* Михаил Шолохов. [Беседа]. — Комсомольская правда, 1934, 17 августа, № 191, с. 3). Кроме того, в этот период он обратился к драматургии: сочинял пьесу «„об отцах и детях“ крестьянского происхождения» (*Дир.* Разговор с Шолоховым. — Известия, 1935, 10 марта, № 60, с. 3) и был занят произведением, построенным на материале коллективизации: «Такую пьесу, — признавался Шолохов, — я даже начал, написал почти половину и временно отложил, чтобы закончить свои романы» (Пьеса о колхозе: Мих. Шолохов о своих ближайших творческих планах. — Комсомольская правда, 1934, 29 июня, № 150, с. 4).

³ *Собронов А.* Над бесценными рукописями «Тихого Дона». — Огонек, 1961, № 16, с. 28. Ср.: Драгоценный листок: [Беседа с А. В. Калинин]. — Молодая гвардия, 1976, № 10, с. 205; *Лазарева Т.* Автограф М. А. Шолохова. — Вечерний Ленинград, 1977, 1 апреля, № 76, с. 3.

⁴ Старый казак рассказывал в августе 1942 г. капитану Н. М. Нехаеву, воссавшему в 434-м стрелковом полку, что «похоронить Анастасию Даниловну вешенцам помогли бойцы Красной Армии, проходившие в тот день через станицу. Они же собрали и отправили в станицу Каменскую и уцелевшие книги из библиотеки писателя» (*Вертяков Н. К.* Вешенской, через тихий Дон. — Неделя, 1982, 1—7 февраля, № 5, с. 8).

⁵ «Тянувший с Дона свежий ветер разносил пепел и гарь, шелестел страницами полуобгоревших, разбросанных взрывом книг. Неожиданно капитан Нехаев увидел фотографию. Бережно поднял ее, смахнул налет пыли» (*Вертяков Н. К.* Вешенской, через тихий Дон, с. 9).

⁶ См.: *Плащевская В.* «Катюши» Михаила Шолохова: Как спасали библиотеку писателя. — Неделя, 1982, 15—21 марта, № 11, с. 21.

погиб, в сущности, весь шолоховский архив — писателю нужно было начинать творческую жизнь как бы с начала.

А пропавшие рукописи, которые имели большое культурно-историческое значение, несомненно пригодились бы Шолохову... Трудно без них и исследователям, занимающимся такими вопросами, как язык, стиль, мастерство писателя, психология его творчества, работа прозаика над словом, над отдельными образами, творческая история «Тихого Дона», «Поднятой целины» и т. д. Отсутствие рукописей и черновиков у крупных художников подчас коварно и способно вызывать самые нежелательные последствия, не говоря уже о том, что без этих архивных материалов навсегда остаются закрытыми целые области филологической науки, некоторые важные грани анализируемых литературных явлений. Судьба архива Шолохова в этом отношении весьма красноречива, показательна и поучительна. К сказанному необходимо добавить, что автор «Тихого Дона» всегда был недостаточно внимателен к себе. «Черновики не храню ни для себя, ни для истории»,⁷ — говорил Шолохов уже после того, как жизнь преподнесла ему свои суровые уроки.

Только благодаря счастливой случайности небольшое количество шолоховских рукописей довоенной поры уцелело — мизерная часть тех сокровищ, что лежали в железном ящике, попавшем под бомбежку при эвакуировании с обозом, который должен был уйти из Вешенской в восточные районы страны. Наутро после налета фашистской авиации исписанные листы, разметанные ветром, были подняты с земли одним неизвестным офицером-танкистом, который, прочитав несколько строк, сразу же понял, что в его руках страницы рукописей «Тихого Дона». «После окончания войны, в ноябре 1945 года, — читаем в упоминавшемся уже очерке А. В. Софронова, построенном на основе бесед с автором «Тихого Дона», — Михаила Шолохова разыскал командир одной из танковых бригад, который на улице станицы летом 1942 года подобрал валявшиеся рукописи. Всю войну он бережно хранил их в своем танке. Этот командир бригады и вернул Михаилу Александровичу поздней осенью 1945 года его рукописи. К сожалению, то ли командир бригады не назвал своей фамилии, то ли фамилия его оказалась забытой, но до сих пор неизвестно имя этого человека. Надо надеяться, что он жив и даст о себе знать или это сделают его товарищи».⁸

137 разрозненных листов из третьей и четвертой книг народно-героической эпопеи — вот и все, что удалось спасти безвестному советскому офицеру и доставить спустя три года по назначению. «Когда листки из рукописей вернулись к автору, — сообщается в одной из журнальных корреспонденций, — он взял первую попавшуюся под руки папку, сложил в нее черновики

⁷ *Гаранжин В.* Вешенские встречи. — В кн.: Наш Шолохов: Слово о великом земляке. Ростов н/Д., 1975, с. 115.

⁸ *Софронов А.* Над бесценными рукописями «Тихого Дона», с. 28.

романа. О судьбе рукописей Шолохова в свое время писал „Огонек“ (имеется в виду цитируемая нами работа А. В. Софропова, — П. Б.). После публикации очерка редакция получила много писем от тех, кто оборонял Вешенскую. Солдаты и офицеры сообщили немало подробностей о том, как были обнаружены листы, исписанные рукой М. А. Шолохова. Но фамилию того танкиста так и не удалось установить».⁹ Есть основания полагать, что сбереженные командиром танковой бригады страницы рукописей «Тихого Дона» — это еще не все, что могло сохраниться.

Вера в то, что со временем удастся разыскать и некоторые другие материалы и документы из шолоховского архива, основывается на сравнительно недавней находке: в 1976 г. был обнаружен новый, 138-й лист из последней главы четвертой книги «Тихого Дона», слегка пожелтевший, с чуть надорванными краями, исписанный лиловыми чернилами с обеих сторон. Вот что рассказывает об этом автографе, считавшемся свыше трех десятилетий утраченным и, судя по всему, побывавшем во многих руках, писатель А. В. Калинин: «... представьте себе, недавно, тридцать четыре года спустя после <...> варварской бомбежки Вешенской и дома Шолохова, от одной женщины, читательницы и горячей поклонницы автора „Тихого Дона“, получаю я пожелтевший листок — рукопись заключительной страницы бессмертного романа. Она рассказала мне, что попала к ней эта страничка из рук человека, который в свою очередь получил ее от одного из солдат, находившихся в станице Вешенской в тот трагический день. Пожелтевший листок, исписанный рукой Шолохова, с его правкой — последней правкой заключительных абзацев „Тихого Дона“...». И далее: «Я знаю, что в разных местах, у разных людей хранятся такие же вот странички из рукописей Шолохова, попавшие к ним в годы войны. Люди ревниво берегли их и начинают присылать в литературные архивы, в редакции газет и журналов, авторам книг, посвященных Шолохову. Так оказался этот исписанный с двух сторон листок у меня. Я буду счастлив передать его Михаилу Александровичу Шолохову».¹⁰ Так этот лист, где раскрывается психологическое состояние Григория Мелехова после похороп Аксиньи, повествуется о пребывании героя в дубраве у дезертиров, о его возвращении в хутор Татарский и о встрече на берегу Дона с сыном Мишаткой, вернулся к создателю «Тихого Дона» (к коллекции шолоховских автографов в Пушкинском Доме он присоединился несколько позднее: весной 1977 г. по инициативе отца его доставила сюда дочь писателя Светлана Михайловна Туркова).¹¹

⁹ Черевков К. Оранжевая папка, с. 9.

¹⁰ Драгоценный листок, с. 205, 206—207. Здесь же воспроизведены фототипическим способом эти две страницы с шолоховским текстом.

¹¹ См. подробнее об этом: Лазарева Т. Автограф М. А. Шолохова. — Вечерний Ленинград, 1977, 1 апреля, № 76, с. 3.

Шолоховские автографы, пройдя сквозь огонь войны, постепенно возвращаются к нам как бы из небытия. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР гордится тем, что именно ему крупнейший художник современности принес в дар свои, пожалуй, самые дорогие архивные материалы — рукописные страницы и машинопись с авторской правкой «Тихого Дона», т. е. те 138 листов, о которых говорилось выше и которые отныне заняли одно из самых почетных мест в сокровищнице Пушкинского Дома (наряду с архивами таких великих представителей национальной культуры, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Достоевский), пополнили ее золотой фонд. Поступившие автографы — это первая глава шестой части III книги «Тихого Дона» (л. 1, 2 — фотокопии) и разрозненные листы III и IV книг эпопеи.¹²

Страницы черновой рукописи и машинописи «Тихого Дона» стали основой шолоховского фонда, который недавно образован в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 814). В архиве Института имеются также любопытные материалы, связанные с передачей в ИРЛИ сохранившихся листов «Тихого Дона».

До поступления дара 1975 г. шолоховиана Рукописного отдела ИРЛИ была весьма скромной, она не выдерживала сравнения с теми разнообразными материалами, которыми располагали другие хранилища страны (значительная часть этих материалов, кстати сказать, уже давно обнародована, однако многие авторы работ о творчестве писателя продолжают ссылаться на архивы или частные собрания) — ЦГАЛИ, архив ИМЛИ им. А. М. Горького и др.¹³ Тем не менее в Пушкинском Доме уже имелся целый ряд интересных документов, связанных с именем Шолохова: несколько глав наборной машинописи первой книги романа «Поднятая целина» с правкой автора (№ 21—26), поступивших в свое время в составе архива журнала «Новый мир»; двадцать гранок с авторской правкой отрывка под названием «Дед Щукарь» (из первой книги «Поднятой целины») ¹⁴ — они поступили в составе архива ГИЗа; рукопись статьи М. Ф. Рыльского «Виддарунок», посвященной постановке оперы И. И. Дзержинского «Тихий Дон»

¹² См.: Обзор архивных материалов XVIII—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР за 1974—1975 гг. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 109, 129; *Баскаков В. Н.* 1) Пушкинский Дом. 1903—1930—1980: (Исторический очерк). Л., 1980, с. 267; 2) Рукописный отдел Пушкинского Дома. Л., 1982, с. 26—27.

¹³ См.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. М., 1975, вып. 4. Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1967—1971 гг., с. 45, 123, 130—131, 175, 235—236, 249—250, 291, 296, 298, 299, 300, 304, 326, 357, 444, 446 (см. и предшествующие выпуски указанного путеводителя); Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979, с. 124 (в архиве ИМЛИ — ф. 143 — значится 101 дело 1924—1975 гг.); Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей. М., 1976, с. 413 (названы две автобиографии Шолохова), и др.

¹⁴ Ср.: *Шолохов М.* Дед Щукарь: Из 1-й книги романа. М., 1937. 32 с.

на сцене Большого театра Союза ССР и опубликованной на страницах «Литературной газеты» (1936, 27 марта, № 18, с. 4), — она была передана 10 июня 1937 г. П. Н. Медведевым (р. I, оп. 24, № 94), и др. Одно письмо Шолохова (от 28 октября 1963 г.) есть в архиве поэта А. А. Прокофьева (ф. 726, оп. 2, ед. хр. 1117), о чем уже сообщалось.¹⁵

В Институте русской литературы хранятся и некоторые другие документы, имеющие прямое или косвенное отношение к творчеству и личности Шолохова. Все они также должны попасть в поле зрения исследователей, которым так не хватает свежих фактов, биографических подробностей. Однако совершенно очевидно, что уцелевшая частица рукописей «Тихого Дона» и материалы, запечатлевшие процесс доработки автором первой книги романа о коллективизации, — это золотой фонд шолоховского архива, который, несомненно, постоянно будет пополняться. Авторская правка набранной машинописи нескольких глав «Поднятой целины», по сути дела, еще не привлекала внимания шолоховедов. К анализу ее мы сейчас и перейдем.

2

Как уже говорилось выше, рукописи первого тома «Поднятой целины» и черновой вариант второй ее части, который был написан за весьма короткий срок — к началу 1933 г., постигла та же участь, что и автографы «Тихого Дона». Однако применительно к роману о коллективизации ситуация оказалась трагичной вдвойне: пропала почти готовая заключительная его книга (одни главы произведения были уже окончательно отделаны, другие — шлифовались), художнику нужно было снова вживаться в старый замысел, еще раз пережить драматические судьбы своих героев, совершить невероятное — дважды войти в одну и ту же реку. Работу над последней частью романа Шолохов предполагал завершить в 1939 г., о чем он сообщал в новогодней анкете газеты «Правда».¹⁶ Несмотря на то что автор был не совсем доволен написанным и как будто даже не очень жалел об утраченных рукописях,¹⁷ воплощение давнишнего замысла, к реализации которого он приступил в начале 50-х годов, потребовало от романиста огромных усилий.

Наборная машинопись первой книги романа «Поднятая целина» с правкой автора — за исключением нескольких страниц — находится в хорошей сохранности, что, конечно, облегчает ее

¹⁵ См.: Полякова Г. Г. Архив А. А. Прокофьева. — Русская литература, 1976, № 2, с. 169.

¹⁶ См.: Правда, 1939, 1 января, № 1, с. 3.

¹⁷ В одной из бесед Шолохов говорил: «Рукопись второй книги „Поднятой целины“ утрачена со всем архивом. Теперь я пишу вторую книгу романа заново и по-новому, так как то, что было написано до войны, мне не нравилось» (Прима К. Шолохов в Вешках. — Советский Казахстан, 1955, № 5, с. 82).

изучение (шолоховские вставки и изменения в тексте читаются без особого труда, ибо почерк писателя четок и понятен каждому; правда, некоторые слова, словосочетания и фразы зачеркнуты черными чернилами столь тщательно, что разобрать их практически невозможно, хотя мы достигли в ряде случаев положительного результата). К сожалению, машинопись в составе архива журнала «Новый мир» поступила в Рукописный отдел ИРЛИ в далеко не полном виде: налицо имеются лишь главы 15, 16, 17 и 18 (причем нет концовки 18-й главы, начиная со слов: «К вечеру на дележ...»); отсутствуют и четыре страницы в 15-й главе) и главы с 27-й по 40-ю включительно — всего 155 листов.

Первая часть «Поднятой целины», как известно, печаталась в «Новом мире» в 1932 г. (№ 1—9). Именно с этой публикацией романа мы и будем сравнивать анализируемую наборную машинопись с шолоховской правкой, говоря конкретнее, последнюю мы будем сопоставлять с соответствующими журнальными страницами (главы XV—XXI — № 3, с. 20—43; главы XXVII—XXXI — № 5, с. 68—91; главы XXXII—XXXIII — № 6, с. 87—105; главы XXXIV—XXXVI — № 7—8, с. 87—104; главы XXXVII—XL — № 9, с. 135—149), а не с более поздними изданиями «Поднятой целины», ибо текст романа претерпевал некоторые изменения, иногда очень существенные, — они еще ждут своего осмысления.

По приблизительным подсчетам, автор внес в наборную машинопись около тысячи изменений, больших и малых, как-то влияющих на целое и почти нейтральных, семантически богатых и совсем простых.

Некоторые из шолоховских вставок и дополнений объясняются чисто техническими причинами; кое-что в тексте выпало по вине машинистки или редакции. Вот несколько типичных примеров. «Андрей жадно вдыхал разнородные запахи ночи, смотрел, как под ногами в лужах дробятся и рассыпаются искрами отраженные водою звезды, думал о...». На этом предложение обрывалось, Шолохов дописывает его: «...Марине и чувствовал, что (сперва был союз *как*, который зачеркнут, видимо, из-за однообразия синтаксической конструкции, — П. Б.) на глазах его закипают горящие слезы тоски и обиды» (№ 23, л. 14).¹⁸ Или в другом месте: «А бабы быков кинут, заиржут, зашумят: „У Щукаря грызь [обратно в] *выпала!*...“ — и *опрометью бегут любопытствовать, как он, Щукарь этот, грызь обратно в свое нутряное место впихивает. Ить это спектакля, а не работа!*» (№ 25, л. 12). Иногда машинисткой пропущалось одно-два слова: «...возник он (курган, — П. Б.) над прахом убитого и с *бранными* по-

¹⁸ Здесь и далее ссылки на фонд М. А. Шолохова (ф. 814) даются в тексте с указанием номера единицы хранения и листа. Зачеркнутые писателем фразы, слова и т. д. даны в квадратных скобках, вставки, сделанные им, выделены курсивом; текст, сперва вставленный, а затем выброшенный, мы обозначаем этим двумя знаками сразу.

честями похороненного половецкого князя...» (№ 24, л. 37); «*Кабы не моя резвость — сидел бы зараз я на поже!*» (№ 25, л. 15); «...уж больно суровы на вид были казаки, толпившиеся сзади за белым ромашковым полем сплошных бабьих платков» (№ 24, л. 21); «Банник торопливо засовывал кисет в карман шаровар, улыбался, с брезгливой жалостью поглядывая на обрешанные чуть не по самые репицы лошадиные хвосты» (№ 24, л. 17).

В других случаях появлялось невесть откуда лишнее слово (см., например, № 25, л. 7). Один из пропусков произошел явно по недогляду редакции — лист оказался обрезанным, поэтому на нем и не «поместилась» вторая половина предложения: «Он кинул в поле всех способных к труду, и даже деда Щукаря временно отстранил от обязанностей конюха, послал во *вторую бригаду*, а сам с рассветом уезжал на участки бригад и возвращался в хутор за полночь, когда по базам уже начиналась побудня перекличка кочетов» (№ 25, л. 9). Совершенно очевидно, что добавления такого рода имеют механический характер и потому могут вообще не приниматься во внимание и не апализироваться.

Две небольшие замены произведены чужой рукой (другой почерк) фиолетовыми, а не черными чернилами и синим карандашом: «Медвяный аромат [распускающихся] *набухающих почек* тополей был так приторно сладок, что у Давыдова, когда он начал говорить, было такое ощущение, как будто губы его слипа [лись] *ются* (здесь уже исправлено самим Шолоховым. — П. Б.), и даже вкус меда ощущал он, касаясь языком неба» (№ 24, л. 26); «Ить, он, черт, лучшим хозяином почитается, а такую [х..пу] *чушь* порет!» (№ 21, л. 9). Думается, это вторжение со стороны пошло только на пользу шолоховскому тексту: выражение «аромат набухающих почек тополей» гораздо точнее передает то, что хотел нарисовать писатель; слово «чушь» позволило освободиться от цензурщины, которой иногда грешили прозаики 20—30-х годов, изображающие русскую деревню.

Стремясь к экономии художественных средств, не допуская никаких повторов, чрезмерного разжевывания и освобождая текст от лишней, не работающей на целое, информации уточняющего или поясняющего характера, писатель вычеркивает показавшиеся ему ненужными словосочетания и даже целые фразы, реплики героев: «Уже вставала во весь рост угроза [с земельными неполадками,] захвата выходцами колхозных земель» (№ 23, л. 6); «...пахоту крайне необходимо было тщательно пророборонить, чтобы дождевая влага задержалась на ровно разработанном участке, а не сошла по бороздам в низину. [На этом участке сеяли кукурузу, готовя по совету Якова Лукпича его десять десятин под американский кулпсный пар]» (№ 23, л. 18); «И смеешься моему смертному горю? [Мне рук не хочется об тебя погапить...]» (№ 24, л. 15); «Были созданы *три* бригады. [Всего три в хуторе]» (№ 21, л. 15); «— Небось, заревешь! [— Пу, так

как?» (№ 21, л. 3); «Выворался я, [а к чему спрашивается?]» (№ 23, л. 23); «...и до тех пор позывно пошвыстывает, пока Нагульнов выдернет у него из-под сиденья кнут и [через Щукареву спину] [через Щукаря] потянет жеребца по спине» (№ 23, л. 17); «Она [не подходила близко,] стояла *поодаль*, скрестив на груди обнаженные по локоть могучие руки...» (№ 24, л. 28); «Она была больно, [со знанием дела, все] поровила попасть либо в переносицу, либо в висок...» (№ 24, л. 31); «„Черт!“ — думаю. [Тут уж про баб я и думать позабыл.] На сеновале — страшная темень, а всякая печисть темноту уважает. „Значитца, — думаю, — зараз он меня зачнет кузюкать и защелыкчет дósмерти... Уж лучше [б] пушай бы бабы исказились!“» (№ 24, л. 35); «И старуху стали [припмыкать,] день и ночь держать под замком» (№ 26, л. 15); «— Я посмотрю, как ты сумеешь взять что-либо из колхозной конюшни без ведома правления! Во-первых, [взять] не дадим, а во-вторых, если и возьмешь, — будешь отвечать по суду» (№ 23, л. 2); «— Ты [мне] не перебивай. Андрей!»; «— Ты меня не трожь, а то я [ить] тоже могу тронуть...» (№ 22, л. 14); «И все это из-за каких-то овец, курей, пропади они пропадом. [Век бы их не видать!]19 категорически знаю!» (№ 24, л. 2); «...на помощь ему никто из присутствующих не выступит, [защиты

¹⁹ В журнале «испытал» (см.: Новый мир, 1932. № 6, с. 87).

ждать было не от кого,] а поэтому и действовать [надо было] *решил* иначе» (№ 24, л. 28); «Да разве [же] это порядки?» (№ 21, л. 9); «... делай [себе] инженерские дела на благо мировой революции!» (№ 26, л. 13); «... после обеда жена его <...> кормила [своих] быков своей упряги из подола, насыпав туда шесть фунтов причитавшихся быкам концентратов...» (№ 25, л. 26); «Да... Так вот [тебе] и вышел из меня генерал» (№ 23, л. 24).

Особенно много сокращений на страницах, рисующих взаимоотношения Давыдова и Лушки (глава 39). Шолохов избегал здесь категоричности оценок, художественских «приговоров», развернутых комментариев и авторских обрамлений: «И то, что Дубцов пришел с нелепой жалобой на Лушку, послужило *Давыдову* лишь чисто внешнего предлога для ругни, [как могла она всем улыбаться, а его — Давыдова — обходить с холодным равнодушием?]» (№ 26, л. 18); «— Хорошая я? А? — Как тебе сказать... — неопределенно отвечал Давыдов, обнимая узкие Лушкины плечи... [Так вот и началась непутевая и никчемная эта связь]» (№ 26, л. 24), и др.

Вообще необходимо отметить, что указанная глава подверглась значительной стилистической доработке: правка коснулась как частных, так и существенных моментов. Кое в чем писатель сомневался и возвращался к внесенным изменениям еще раз: «[Начиналась старая история:] [*Как и прежде:*] Никогда не терявшийся Давыдов [*как и прежде*] розовел и хмурился, Лушка с напускным смирением опускала ресницы, а в углах губ [*ее*] неужержно трепетала улыбка» (№ 26, л. 19). Своей сравнительно обильной правкой Шолохов преследовал цель как можно лучше отделать художественный текст, как можно точнее и тоньше передать то, что гнезилось в душах Семена Давыдова и Лушки Нагульновой: «Потянуло [Давыдова] *его* к Лушке, да так не вовремя, как раз [во время самого] *в момент наибольшего* напряжен [ного] *ия* [положения в себе!] *в себе!*»; «А весна 1930 года — стремительная и скороспелая — [столько] *так много* поселила в садах и левадах соловьев, что они гремучими раскатами заполняли не только глухую пустоту ночи, но и при дневном свете никак не могли уgomониться» (№ 26, л. 18); «Словно и не было на [лице] *губах* ее недавней бесовской [, лукавой] улыбки» (№ 26, л. 19—20); «Потому-то он и сев кончил только [пятнадцатого] *десятого*, что к нему бабы бегали» (№ 26, л. 20); «— Эх, ты! А [еще] *ишо*... Ну, ладно. Дайте мне газетку, какая поинтересней» (№ 26, л. 21); «... на этом и кончились [всяческие] колебания Давыдова, тянувшегося к Лушке...»; «Живот у меня зараз какой-то бестягостный стал... какой-то [чудной] *порожний* и легкий, того и засмеялась» (№ 26, л. 24). Можно было бы привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что писатель при изображении любовной истории, прозвучавшей на весь гремяченский колхоз, тщательно взвешивал каждую художественную деталь,

При вычеркивании тех или иных элементов текста автор «Поднятой целины» словно руководствуется заветом Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».²⁰

Имеют место и случаи, когда автор отказывался от принятого ранее решения: он, поразмыслив, восстанавливает то, что было только что вычеркнуто, т. е. сохраняет первый вариант. Вначале его не удовлетворило такое, например, предложение: «Казак улыбнулся, в бороде синеватым лезвием сверкнули зубы» (№ 22, л. 8). И оно оказалось изъятым. Затем Шолохов «оживляет» его — отвергнутый кусочек попадает в окончательный текст. В этом отношении характерна следующая фраза: «Вначале [он] *он* слышал, как неподалеку фыркал, переступал [конь] *конь*, звякая удилами [нрзб.], а потом [конь] *конь* сошел в [дальний] ²¹ лог, где богаче была травяная поросль...» (№ 24, л. 38).

Значительный массив шолоховской правки образуют разного рода дополнения: от маленьких слов — союзов, частиц, предлогов, местоимений и т. п. — до целых предложений (и даже групп предложений). Вставки делались Шолоховым по самым различным причинам: и с целью что-то уточнить, конкретизировать, и с целью досказать недосказанное или, быть может, выпавшее в процессе редактирования рукописи, и с целью дорисовать портрет того или иного персонажа, и с целью устранить возникшие грамматико-синтаксические «неловкости», и с целью восполнить недостающие звенья-связки, и с целью добиться интонационной ровности повествования.

В тексте и на полях машинописи романист дописывает целый фрагмент, в котором речь идет о тех чувствах, которые обуревали атаманца Любишкина после получения им причитавшейся ему конфискованной кулацкой одежды. Автору показалось мало сообщения, что его счастливый герой — в новых шароварах и сапогах — сразу помолодел лет на десять, поэтому он прибавляет еще несколько выразительных штрихов: «Нарочно вышел на главную улицу, хотя было ему и не под дорогу, на проулках часто останавливался, то закурить, то со встречным погустарить. Часа три шел до дому, [полвечерушника (?)] хвалился, и к вечеру уже по всему Гремячему шел слух: „Ноне целый день набирал одежи... Во всем новом домой шел, шаровары *на нем* праздничные. Как журавель, выступал, небось, ног под собой не чуял...“» (№ 24, л. 16). Это самая большая шолоховская вставка, она существенно дополняет образ одного из шолоховских героев.

Остальные вкрапления гораздо меньше, однако они тоже по своему показательны: «Кабы эта повитуха зараз живая была, я бы ее прямо сырую съел!.. Не торочь чего не надо! Не сму-

²⁰ Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.]: Изд-во АН СССР, т. XI, 1949, с. 52.

²¹ Определение не несло на себе нагрузки, поэтому, видимо, автор и убрал его.

пцай младенцев! *Пу, вот он, бригадный стан, приехали!*» (№ 23, л. 24); «Эпачит у него душа в нашем хозяйстве осталася! *Верно я говорю?*» (№ 23, л. 3); «— [Садись] *Ступай в хутор, после разберемься, — приказал Давыдов, [кпявая на дрожжи и] облегченно вздыхая*» (№ 25, л. 16); «... совершенно неожиданно для них на первое место выбился Антип Грач, до этого находившийся в группе отсталых, в насмешку прозванный Давыдовым „слабосильной командой“» (№ 25, л. 26); «Теперь надо наважиться на волочьбу. *И чтобы обязательно волочить в три следа!*» (№ 25, л. 27); «Сила у него медвежьяная: за что ши возьмется — кипит у него в руках! *А что молчаливый, так уж бог с ним... меньше ругни промеж нас будет...*» (№ 26, л. 6); «... по лицу старика тенью скользила не только растерянность, но и злорадное улыбочное выжидание... Так, по крайней мере, показались тогда Давыдову. На другой же день он позвал Якова Лукича к себе в комнату, выслал посторонних, [спросил:] *Разговор вели они вплотную: — Ты что делал вчера возле амбаров?*» (№ 26, л. 11); «*На тебе деньги [и], жри в три горла, бабе своей шелковые чулки на утеху покупай, но крути своими мозг[ами,] овьими шариками...*» (№ 26, л. 13); «— Да почему выходишь-то? *Куда пойдешь?*» (№ 23, л. 2); «... Давыдов встал, подошел к Макару вплотную, с неприсущим ему холодком в голосе спросил: — Письмо Сталина, товарищ Нагульнов, это — линия ЦК. Ты что же, не согласен с письмом?» (№ 22, л. 15); «„Не в добрый час попал! *Надо бы посля обеда прийти...*“, — сожалел дед Щукарь...» (№ 25, л. 10); «— Нога что-то разболелась... *А говорит пещего... Вспахал, ну и вспахал... Делов-то!*» (№ 25, л. 25); «Сходно ить? Поняли? *Потеря времени...*» (№ 25, л. 23); «Кондрат наладил плуг Давыдова, переставил на подъемной подушке крюк, установив глубину в [4] 3½ вершка,²² и, незаметно перейдя в обращении на „ты“, на ходу объяснил...» (№ 25, л. 24); «*Говорил я так? Говорил! и даже наганом по столу постукивал. Не отрицаюсь!*» (№ 22, л. 12); «И потом если до КК (краевого комитета, — П. Б.) дойдет, что ты пьянствуешь, да еще в такой ответственный момент, что ты не только середняков запугивал с оружием в руках, но и не по-большевицки относишься к своим искривлениям и даже выступаешь против линии партии, то это, Нагульнов, получится для тебя печальный факт» (№ 22, л. 16); «... из сумеречной темноты, озаренной оранжевым светом лампы...» (№ 25, л. 9); «Вот не едут сеять через то, что собственность в них на дыбки встала... *Проклятые!*» (№ 24, л. 40); «*Хватит! Убьете ведь... По голове не надо... Нету у меня ключей!*» (№ 24, л. 32); «Он понял, что дело зашло уже слишком далеко...» (№ 24, л. 28); «*Исключать старого члена партии, красно [армейца] знаменца... Вы опупели, товарищи? Как будто нет других мер взыскания!*»; «*Всякий, кого приходится ущемлять, пытается свалить с себя часть вины или переложить ответ-*

²² В «Новом мире» (1932, № 7—8, с. 102) «три с половиной вершка».

ственность на других...» (№ 24, л. 13); «Бывало, саднишься вечером почитать, [трошки] развитые себе сделать, а жена спать ложится. Ты считаешь трошки, ляжешь, а она задом к тебе» (№ 24, л. 2); «Чем мы ее будем пахать? Чем детишков делают?» (№ 23, л. 7); «Парусиновая рубаха его была в крови, короткие городские штаны (с бахромой *внизу* от ветхости) разорваны на коленях. Из распахнутого ворота высматривала смуглая татуированная грудь. Он тяжело, с *саном* дышал и выглядел жалко» (№ 24, л. 32); «Ирцам изрядно потолкали, и они, избитые в кровь [—], бросили мешки с хлебом, понадали в брички...» (№ 24, л. 20); «Демид Молчун, стоявший возле весов, улыбнулся, вытер рукавом пот» (№ 25, л. 1); «— Хватит, Нагульников, *пери*, пожалуйста. У нас же еще вопросы есть, — не смущаясь и все так же тая улыбочку под темными усами, примиряюще сказал смуглолицый, красивый Хомутов»; «Стало быть, брехал Серко — нужен был... Старый стал — с *базу долой*...» (№ 24, л. 15); «...повалила его, да еще и окончательно прибыла, *прямо-таки изничтожила* острым словом...» (№ 23, л. 10); «...да не энту, а вот энту, *какая не несетя*, хохлатую... Из одной курицы на бригаду лапши не сварить» (№ 25, л. 17); «Давыдов уговаривал, объяснял, что он не может наделять землей там, кому где захотелось, так как не может дробить колхозный массив, *резать его на клинья* и нарушать проведенное осенью землеустройство» (№ 23, л. 7); «— Ты мне — не товарищ! — *закричал Нагульнов*: — Ты — бирюк!» (№ 24, л. 15); «— А не получится, Беглых, как со стопроцентной коллективизацией? Ведь была в райкоме такая установка: „гоши до ста во что бы то ни стало и *как можно скорее!*“» (№ 23, л. 4); «[А] Давыдову [—] *же*, беседуя с ним, говорил: — Теперича огрузимся мы хлебом, товарищ Давыдов! А то раньше, бывало, кинет *человек* семена и ждет, какая выйдет... Зачнешь молотить, хлеб будто и добрый, [а] *но* взважишь умолот с десятины — и выйдет сорок пудов *либо ишо* [нрзб.] *меньше*...» (л. 26, л. 11); «— Это целину? — *орали выходыцы*» (№ 23, л. 7); «Мой родной кум *при старом режиме*²³ у самого генерала Филимонова в денщиках служил...» (№ 25, л. 18).

А вот вставки совсем мизерные: «Ночью Давыдов не слышал ни укусов блох, ни ржання лошадей, ни гогота *припоздавшей станицы* диких гусей...» (№ 25, л. 26); «— Так, может быть, он [—] *теперь* дома? — нерешительно спросил Давыдов» (№ 24, л. 34); «По-русски даст наш биток какому-нибудь англичанину, а он с ног, — копырь, и лежит, за голову держится, *чижело вздыхает*» (№ 22, л. 8); «— Такой колхозник — *вредитель* — есть среди вас. Вот он! — Давыдов указал на Атаманчукова...»; «Ставлю перед бригадой вопрос: как быть с тем *ложным* колхозником, который обманывает колхоз и советскую власть: вместо трех с половиной вершков пахоты портит землю, пашет полтора

²³ В «Новом мире» (1932, № 7—8, с. 99) — «при старом прижмие»; эта замена имеет открыто «щучкарный» характер: говорит-то дед Щучкарь...

вершка? Как с тем быть, кто сознательно хочет угробить быков, работая под дождем, а в ведро вышопляет норму лишь на [1½?] ²⁴ половину?» (№ 25, л. 24); «Единоличники и все три бригады Гремячского колхоза зарею выехали в степь» (№ 25, л. 9); «... но наш товарищ Разметнов, как и следует коммунисту, не мог на такое издевательство согласиться!» (№ 25, л. 7—8); «На минуту наступило общее замешательство» (№ 25, л. 2); «Из-под шапки его катился пот, рубаха на спине потемнела, губы пересохли...» (№ 24, л. 40); «Он утром под шим спотыкнулся в воротах, а я ишо тогда ему сказал: „Вернись, Макар, примета дюже плохая!“» (№ 24, л. 33); «Они все перерыли, пораскидали [все] бумаги, книги, белье, даже у хозяев и то искали ключи» (№ 24, л. 34); «Дошли до квартиры, повалив хворостяные воротца и плетень, вломились во двор» (№ 24, л. 29); «Банник, бормоча угрозы, отступил, а на смену ему дружно выдвинулись бабы» (№ 24, л. 27); «А-а-а, нечего? Отдавайте назад хлеб!» (№ 24, л. 24); «Страшный гнев, полымем охвативший Макара под конец самохинской речи, вдруг бесследно исчез...» (№ 24, л. 14); «Вечером тогда был у Давыдова с Макаром сокровенный разговор» (№ 21, л. 6); «...била не так, как остальные, а тыловой стороной кулака, костяшками сжатых пальцев» (№ 24, л. 31); «...сказал Разметнов, последнее время упорно поддерживавший Давыдова...» (№ 22, л. 14); «Измученной походкой, еле волоча ноги, дойдет до воротцев и вдруг, будто вспомнив что-то неотложное, повернется, дробной рысью ударится опять в подсолнухи» (№ 21, л. 2); «... райполеводсоюз и райпартком ответили громовым приказом, смысл которого сводился к тому, чтобы гремяченцы всеми силами и средствами претоврати[т]ли развал колхоза...» (№ 23, л. 4); «Дело не обошлось без драки: двоюродный брат Любишкина Захар Любишкин<...> изловчился ухватить подскакавшего к быкам Мишку Игнатенка за ногу, стянул [его] с лошади и в короткий срок жестоко извозил его по землек...» (№ 23, л. 6); «Яков Лукич отправился с деревянным сажнем в степь и за Рачьим прудом в два дня отвел единоличные паделы» (№ 23, л. 7); «А кто с Малашкой Игнатенковой вчера на проулке ночью стоял? Не ты?» (№ 23, л. 9); «Марина — вся в поту и в жарком румянце — неумолимо влекла повозенку, и жалобно вызванивала на ней привалившаяся к грядущке борона...»; «...подумал Яков Лукич, предусмотрительно сворачивая в проулок» (№ 23, л. 11); «Избил за то, что тот отказался немедленно вывезти семенной фонд...» (№ 24, л. 9); «К сцене быстро подходил[о] и несколько парней» (№ 24, л. 22); «...величаво присанившийся курган караулит степь, весь одетый в серебряную чешуйчатую кольчугу» (№ 24, л. 36); «Давыдов, небось, будет говорить на моей могиле<...>» (№ 24, л. 38); «...непрерывно подъезжали подводы, [хлеб] казаки и бабы несли хлеб в чувалах, в мешках, в завесках...» (№ 25, л. 1); «Откуда на крыле когти?

²⁴ Вычеркнута явная опечатка.

Ты *под юбкой* на себе их поищи!» (№ 25, л. 17); «Бык — не трактор, как толечко намокнет у него шерсть на шее, — враз ярмом потрешь *шею* до крови, и тогда уж на нем отработался» (№ 25, л. 19); «Вот тут-то и началось смятение чувств; одна из брезгливых бабенок *со стоном* вскочила и, зажимая ладонями рот, скрылась за полевой будкой» (№ 25, л. 17); «Да оно, видишь ли, Давыдов, и раньше *без колхоза* мы как-то жили, с голоду не пухли, своему добру сами были хозяева...» (№ 23, л. 1); «Ставить ли вопрос о нем... за нежелание ликвидировать *последствия „левы[e]х“* ошибок [ки]ок, наделанны[e]х в практике создания колхоза?» (№ 22, л. 17); «Он не снимал с себя *ни* полушубка, *ни* папачи...» (№ 22, л. 8); «И еще один *пожилой* казак говорил...» (№ 22, л. 7); «— Что ты говоришь, дед? — хрипотно спросил Половцев» (№ 22, л. 5); «Окна *изнутри* были плотно занавешены дерюжками, ставни закрыты...» (№ 22, л. 4); «...новой кофтенки *на плечах* не износила...» (№ 21, л. 17); «...на губах такая ясная детская улыбка, что в пору бы кому-нибудь отечески погладить *саженного* атаманца²⁵ Любишкина по голове» (№ 21, л. 16); «Верно говорю. Мы в *старой* армии от живота этим и спасались» (№ 21, л. 14); «— Это он, *чертило*, не громить *ли* нас задумал? — проговорил подошедший к окну Разметнов и засмеялся» (№ 23, л. 3); «...но на выезде из ворот вдруг споткнулся, достал коленками земли, едва не упал и, кое-как выправившись, проворно вскочил *на ноги*» (№ 24, л. 5); «...все данные за то, товарищи, что он *попросту* распутничает. Иначе к чему же ему выгонять из дому жену?» (№ 24, л. 10); «А тут вскоре Яков Лукич развил такую кипучую деятельность по подготовке к полке и *общественному питанию*, такими хозяйственными проектами засыпал правление, что Давыдов снова был покорен своим энергичным завхозом» (№ 26, л. 12); «— Ну, сколько наворочал? — с чуть приметной улыбкой, *с ехидцей* спросил Куженков...» (№ 25, л. 25); «...они простирают над древней выветрившейся почвой свои волокнистые былки, *даже* весной, среди ликующего цветения разнотравья, выглядят старчески-уныло, отживше...» (№ 24, л. 36); «Запрягать он научился *столь* быстро, что сопернича[я]л в быстроте с гремяченской пожарной командой...» (№ 23, л. 17); «Со сходцев мимо плетня лежала протоптанная по рыхлому снегу, *по грязи* стезжка» (№ 23, л. 3); «Ну, как *бы* тебе понятней объяснить?» (№ 25, л. 27); «Через это и бросил билет, а потом опять в партию пролез...» (№ 24, л. 15); «...высокий Атаманчуков одной рукой отталкивал его от ярма, а другую, сжатую в кулак, держал за спиной» (№ 25, л. 19).

Чуть ли не на каждом листе наборной машинписи мы встречаем, так сказать, правку в прямом значении этого слова: Шолохов что-то вычеркивает и на «освободившееся» место находит более точный, более выразительный вариант, соответствующий и целому, и его составным частям. Изменения в тексте продукто-

²⁵ В «Новом мире» (1932, № 3, с. 30) «атаманца».

ваны то соображениями художественного лаконизма, то стремлением к насыщенной образности, к большей экспрессии и языковому разнообразию (отсюда внушительное количество синонимических замен), то желанием избавиться от тавтологии, необязательных элементов, сказать проще, яснее, короче и точнее: «... на миг растерянно подумал [Макар] *он*, подходя к столу» (№ 24, л. 11); «... чей-то теплый и веселый басок [внятно] *рас-троганно* сказал: — Давыдов, в рот тебе [нрзб.] *печенку*. Любушка Давыдов!..» (№ 24, л. 9); «Правда, не всем, но иным, [некоторым говорил] *говорил...*» (№ 22, л. 12); «... нехотя ответил [он] *тот* и прилег возле огня...» (№ 25, л. 25); «... потом [в голосе его] зашепта [ли] *л*, и в голосе его зазвучали несвойственные ему теплота и ласка...» (№ 22, л. 2); «А посла у [же] *ж* доглядели, а на ней обознач[ается] *енная* цена — пять копеек» (№ 22, л. 5); «Через полгода иду от соседей [я,] и перерезает мне дорогу хуторской бугай» (№ 23, л. 23); «[Вторая] *Первая* бригада работала на самом дальнем участке [нарезанной гремеченцами] *серопесчаной* земли. От хутора был он километрах в десяти, за перевалом, возле [нрзб.] *Лютото* пруда. Бригада пахала [целинные земли,] *готовя землю для сева колосовых...*» (№ 23, л. 22); «[В] *На* повестке дня стоял доклад заврайзо Беглых...» (№ 24, л. 6); «С минуту молчали, потом [Лушка] *она...*» (№ 26, л. 24); «... вывел злосчастную [кобылу], проявившую столь неожиданную прыть, *кобылу* за хутор. До ветряка ему сопутствовали ребяташки, потом отстали. А Щукарь *уже* не осмелился [уже] снова сесть на цыганскую „мысль“, он далеко окошелся по бугру, но на бугре уморился тянуть за педоуздок и решил гнать кобылу впереди себя. И тут-то сказалось, что [отныне принадлежавшая ему] *с таким трудом купленная им* лошадь слепа на оба глаза» (№ 23, л. 16); «Молчун гулко захохотал. Смех его [как] *разительно был похож на* грохот порожней бочки, [потряс комнату]» (№ 23, л. 2); «Демид стоял в тупой [нетрезвой] *тяжкой* задумчивости. Потом качнулся и вдруг с *пьяным безразличием* шагнул прямо в воду, побрел к амбару, медлительно и [тяжко] *валко* покачиваясь»; «И только после того, как было получено постановление ЦК „О борьбе с искривлениями [линии партии] *партийности* в колхозном движении“, райком засуетился...» (№ 23, л. 3); «Говела весь великий пост, на [шестой] *третьей* педеле ходила каждодневно молиться в тубяинскую церковь, исповедывалась и причастилась»; «— А с Андрюшкой спать на одной кровати — это не супротив бога? Или это — [не есть] *сладкий* грех? — улыбаясь, спросил Любишкин» (№ 23, л. 8); «Езда у нас не дюже большая, [к весне] *скоро* будем их к маткам припущать» (№ 23, л. 12); «Вулканическое извержение ее желудка не прекращалось до самого Тубянского, [оставляя] на дороге *оставались* позорные следы» (№ 23, л. 14); «... старуха через неделю водворила его домой, жестоко избив и изругав всепародно за то, что будто бы ход[ят] *или* к деду Щукарю по почам молодые бабы. Над старухой подшутили парил, возведя на деда этот гнусный поклеп, но

перечить он [старухе не мог, из непонятных побуждений не стал даже оправдываться перед ней] *ей не стал*, перешел домой и раза два за ночь ходил проведывать жеребцов, коивопроемый своей ревнивой супругой»; «28-го Давыдов решил съездить на поле [второй] *первой* бригады...» (№ 23, л. 17); «...а то и [н]за живца щуку поджидает. Вот мы, ребяташки, и приладились у него крючки откусывать. Дед-то глухой, как камень, ему хучь [что хонь] в ухо [делаи] *мочись*, все одно не услышит» (№ 23, л. 21); «Брат разом даванул [рогач] *стуж*, поднял косогон» (№ 23, л. 23); «Он бы, чего доброго, додумался весь мужской [род] *класс* выхолостить, чтобы от социализма не отвлекались!»; «...проглотив слюну, с невольным уважением поглядывая на Макара[, а не] *и* на книжку, спросил Разметнов» (№ 24, л. 3); «А английские буржуи завладели Индией [и], *почти* половиной мира и угнетают всяких чернокожих и темнокожих...»; «Мы в России их, *гадов*, в 17-м году по своей невинн[ой] *сти* [неопытности] на волю пуцали, а они потом нам начали жилы резать» (№ 24, л. 4); «[В колхозах,] по моему мнению, всеми средствами надо удерживать колхозник[а] *ов* от выход[ов] *а*...» (№ 24, л. 6); «Секретарь райкома с небывалой сдержанностью поздоровался с ним *и*, как видно, [избегая] *уклоняясь* от разговора, тотчас же обратился с каким-то вопросом к председателю рика» (№ 24, л. 8); «...много[семейный] *детный* Гаев не мог управиться» (№ 24, л. 9); «„[Сымай с него [сапоги]] *Разуйте* его, бабы!“». Выкрики [звучали] *загрозотали* как беспорядочная пачечная стрельба» (№ 24, л. 21); «В миг к сцене протянулось [несколько] *множество* рук» (№ 24, л. 22); «[Несн] *Тяги*, сукина дочь, кизек на затон да ступай корову встречаи!»; «...он [сразу] *коротким, точным движением*, по-ястребному быстро поворачивает голову, выпрямляется» (№ 24, л. 23); «Одна из баб [сорвала] *стащила* со стола президиума красную сатишовую покрывку, сзади укутала ею голову Разметнова. А пока он пытался сорвать [душившую его] пахнущую чернилами и пылью скатерть, Дымок, не размахиваясь, ударил его под ложечку. Освободив голову, задыхаясь от *безрассудной* ярости и боли, Андрей выхватил из кармана наган. Бабы [с ревом] *с криком* шарахнулись в стороны...» (№ 24, л. 24—25); «...высоко [и звучно] *взлетая*, звенел над мужскими *басовитыми* голосами [чей-то] пронзительный бабий [голос] *крик*. Он резко выделялся из [общей] слитной массы голосов, как выделяется *из общего тона* осенью в лесу, тронутым первыми заморозками, страстный, захлебывающийся яростно-плачущий [голос] *лай* гончей суки, идущей вместе со стаей по горячему следу красного зверя» (№ 24, л. 25); «...бабы окружили его, оглушительно крича, [при молчаливо-] *поддерживаемые* сочувствен[ом] *ым* молчали[ш]ем казаков» (№ 24, л. 27—28); «...Он хотел сказать, что ключи не у него хранятся, но мгновенно сообразил, что, *если он откажется*, толпа бросится искать Демку Ушакова, [и если найдет, то Демке] *навверняка* найдет, и тогда [ему] *Демке* не сдобровать, убьют»; «У нее дрожал[а] *и* от

[великой злобы] волнения брызглые щеки и крупная бородавка на носу, [а по брызглому] по морщинистому лицу непрестанно сыпался пот» (№ 24, л. 29); «— У Островнова, — ответил Давыдов, вспомнив [виденное им] стоявшего в толпе у амбаров [лицо своего] злорадно улыбавшегося завхоза» (№ 24, л. 31); «Всех, кто попытается порочить партию и тянуть ее влево или вправо, мы будем беспощадно бить! [по рукам!]» (№ 24, л. 13); «Он круто поверну [впшился] лся, взры [вл] задними ногами землю, [он] с храпом околесил двор, роняя со стегнов на жаркую землю белые пышные шмотья мыла» (№ 24, л. 33); «Макар бездумно следил за их полетом, видел, как связы камнями попадали в [воду] пруд, как вскипела [под н] распахнутая ими вода возле камышистого островка» (№ 24, л. 38); «— Так нет же, гадючья кровь! Не застрелюсь! Доведу вас подобных до точки! — скрипнув зубами, вслух сказал Макар и вскочил на ноги, [скрипнув зубами] будто жуаленный»; «[С минуту] Мгновение она стояла, угнув лобастую голову...» (№ 24, л. 39); «Макар выругался, пошел [к хутору нрзб.] следом за ним. Версты три шагал [он] бездорожно...»; «Охваченный [нрзб.] непоборимым стремлением соития, он веером разворачивал кудрый рыжий хвост с белесо-ржавым подбоям...» (№ 24, л. 40); «Сымите меня с бригадиров, нету моего терпежу валандаться с такими подобными: [стреноженная лошадь,] они и меня-то стреножили своей работой!...» (№ 25, л. 12); «...они потоками расходились, приближались к земле, и, [низвергаясь] ложась на дальние, простертые над горизонтом грядины бурой степи, красили ее, диковинно и радостно молодили...» (№ 25, л. 15); «...к приезду Любишкина из хутора у него уже кипела в [двух]грехведерном котле вода, [и в чане] выпрыгивало разварившееся пшено...» (№ 25, л. 17); «Я его ишо утром хотел побить за такую [вылазку!] старанию» (№ 25, л. 20); «...белое лезвие лемеха скользило неслышно, а сбочь его, [как кипящая смола,] меняя очертания, смолой вскипала, ползла черная земля...» (№ 25, л. 26); «Острое жальце ростка, нежное и слабое, вяло лежало под рыхлыми комьями теплой пахнувшей солнцем земли, стремилось к свету и не могло пронзить лишенный влаги, земляной, зачерствевший покров.²⁶ Давыдов спешивался на пашне, разрывал рукою землю и, рассматривая на ладони [умерщвленное] зернышко пшеницы, [протягивавшее вверх] с выметавши [й]мся из недра ее тоненьки [й]м рост [ок]ком, испытывал [острое] горькое чувство жалости к миллионам похороненным в земле зерен, так мучительно тянувшихся к солнцу и почти обреченных на смерть» (№ 26, л. 2); «Под конец [пришел] явился Макар Нагульнов. Он услышал, что старики — делегация верующих — [пошла] отравились просить у Давыдова разрешения молебствовать, поспешил прийти» (№ 26, л. 3); «Казачи либо в поездках, либо отдыхают в куренях или на погребницах, либо вяло постукивают топорами; сонные бабы, устроившись где-

²⁶ В «Новом мире» (1932, № 9, с. 135) иной порядок слов: «зачерствевший земляной покров».

нибудь в холодке, [ищутся в головах друг у дружки] ищутся. Пустота и дремотный покой властвуют в хутор[е]ах» (№ 26, л. 10); «Вышли те, которые по сути были мертвым балластом в [колхозе] бригадах, которые и [вошли-то в колхоз] [е] колхоз [-то] никами-то стали то ли из-за опасений, как бы не попасть в немилость к власти, то [и]ли просто увлеченные общим могущественным приливом [в колхоз], тягой в колхоз, начавш[им]ейся еще в январе» (№ 23, л. 1); «— Нашел чем хвалиться! То-то из тебя [и] дурь и прет... — хмуро [вставил] кинул Разметнов»; «Макар раздул побелевшие ноздри, в мутных глазах его [сверкнуло] плеснулось бешенство...» (№ 22, л. 12); «Яков Лукич проводил гостей за калитку... и, озабоченно вынув из кармана [данные] полученные от Лятевск[им]ого деньги, долго в предракетном сумеречье пытался разглядеть, какого они достоинства...» (№ 22, л. 10); «Они не понимают того, что эт[о]а [письмо его] статья — гнусный обман, мапевр!»; «В Тубянском и в моей станице казаки тоже отказались восставать. Переманил их Сталин сво[им письмом]ей статьей»; «...снял белую курпйчатую папаху, осушил ею [слезы] глаза» (№ 22, л. 9); «...попадешься им, так уж [пощады] милости не жди! Я побывал в 20-м году за границей, покушал французского хлеба на Галиполях и не чаял отгедова ноги притянуть!» (№ 22, л. 7); «[Да-да,] То бишь секретаря всей партии, товарища Сталина» (№ 22, л. 5); «— Может, похмелиться есть нужда? — предупредительно спросил Яков Лукич, но Лятевский глянул куда-то выше его головы [Якова Лукича]; «Ты пойд[е]шь²⁷ охлюпкой, тут недалеко» (№ 22, л. 3); «Половец улыбнулся как-то виновато, смущенно, [ежась, улыбнулся] одною стороною рта» (№ 22, л. 2); «Яков Лукич, [управившись с конем, стоял] стоял у притолоки...» (№ 22, л. 1); «...довольно крякая, сияя глазами, светлея смуглыми лицами от [сухих] скупых, дрожащих улыбок, торопливо комкали свое старое, латанное-перелатанное веретце, облачались в нов[ое]ую справу, сквозь котор[ое]ую уже не просвечивало тело» (№ 26, л. 16); «Около калитки — [еще видная] в грех шагах от них — чернела фигура человека» (№ 21, л. 10); «Снег [валил] бил густо, мокро» (№ 21, л. 7); «— Лушка-то Макарова вроде к [Давыдову] председателю колхоза зачала прислоняться... — нерешительно сообщил Яков Лукич...» (№ 26, л. 29); «Никакие Половцевы не [пособуют] устоят, какого бы ума они ни были» (№ 26, л. 25); «[Давыдов] Он, поужкивав, лежал в своей комнатухе...» (№ 26, л. 19); «Пока не возрастим своего такого знающего, до тех пор будем держать [его] Островного в завхозах» (№ 26, л. 13); «...ударник [опять же] есть самая заглавная фигура, поняла?» (№ 25, л. 27); «Усменливо поглядывая на него, Дымок [сказал] ответил...» (№ 25, л. 5); «... [с дрожью в голосе] дрожащим тенорком сказал кто-то из задних рядов толпы» (№ 24, л. 28); «... [Сказал] Ответил еди-

²⁷ В «Новом мире» (1932, № 5, с. 69) вместо «пойдешь» — «поедешь».

поличник Добродеев Мирон...» (№ 24, л. 27); «Бородатый ярской казачина [соскочил] прыгнул с брччки» (№ 24, л. 20); «Поймите, братцы, что это у меня без злого умысла супротив [власти] партии» (№ 24, л. 12); «„Видно, Половцев и Лятевский махнули [уж] через границу“, — думал Яков Лукнич, и к острому сожалению о том, что не пришлось стряхнуть Советскую власть, примешивалась спокойная радость, довольство: что²⁸ отныне уж [ничто] *ничто* не грозило благополучному существованию Якова Лукнича. Теперь уж, глядя на приезжавшего в Гремячий Лог участкового милиционера, он не испытывал тошнотворного страха, а раньше один вид *черной* милиционерской [черной] шинели повергал его в несказанный трепет и дрожь...» (№ 26, л. 14). Без всех этих многочисленных исправлений «Поднятая целина» не была бы столь совершенным созданием, отличающимся удивительной оркестровкой.

Освательной шлифовке подверглись страницы, повествующие о проделках Дымка и о его судьбе, по-своему печальной и совсем бесславной: «На закате солнца [он недолго] играет возле общественного амбара на гармошке своего сосланного дружка, Тимофея Рваного, [а потом] *но* как только сияя тень ляжет в садах и левадах, [как только по] *едва лишь* утихает людской гомон и скотинный мык, [пдет Дымок] *он не спеша шагает* по проулку к Фектинному базу, а над грустно перешептывающимися верхушками тополей, над безмолвным хутором [шел] *идет* такой же одинокий, такой же круглолицый, как и Дымок, месяц. [Но] Не одни девки были утехой в жизни Дымка: любил он и водку, а еще больше драки»; «...и Дымок, не в силах совладать с борющейся его страстью, вступает в [драку] *бой*. К двадцати годам [его жизни] он уже [потерял несколько] *успел растерять полдюжины* зубов» (№ 24, л. 23); «...только голос [Дымков] после болезни становился глуше и хрипатеи, словно вздох изношенных мехов старенькой гармошки. Из [Дымка] [*него*] *Дымка* трудно было [выбить] *вышибить* жизнь, — живуч был, как копка»; «Дымок *издавна* питал к нему великую злобу и вот теперь-то, считая, [что пришло время] *момент подходящий* для расплаты, и полез на сцену, чтобы поквитаться...»; «Он подходил к Андрею все ближе. Колени его тряслись, и от этого казалось, что [Дымок] *он* словно бы притащивыва[л] *ет*» (№ 24, л. 24), и т. д.

Правка, причем довольно обстоятельная, не миновала даже одной из лучших шолоховских пейзажных зарисовок — описания Смертиного кургана, которое обладает глубоким социально-философским смыслом. Шолохов добивается филигранной отделки художественного текста: «Летом, вечерними зорями, на вершину его слетает из подоблачья степной беркут. [Нрзб.] Шумя крылами, он упадет на курган...»; «[Неподвижный, пжелта-бурый,] как камень самородок, *неподвижный и изжелта-бурый* беркут

²⁸ Этого союза в журнальной публикации не оказалось (см.: Новый мир, 1932, № 9, с. 141).

отд[ы]ох[ае]нет перед вечерней охотой и слова легко оторвется от земли, взлетит»; «Куда унес[е]ут его знобящи[й]е осенни[й]е вет[ер]ры? В голубые предгорья Кавказа? В Муганскую степь ли? В Персию ли? В Афганистан?»; «Он стоит долго, [прзб.] мертво, словно изваянный из желто-пламенного каррарского мрамора; стоит, опустив на лиловый снег рыжее [пушистое] ворсистое правило. . .» (№ 24, л. 36); «В этот момент только агатовый влажный нос его живет в могущественном [птичьем] мире слитных запахов. . .» (№ 24, л. 36—37); «[Курган] Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога [на гребне], [пздавна] издавна зовут его казаки Смертным. . .»; «. . . липовину < . . > падо сойти с кургана и проплыть, не вынимая из звездно-искрящегося снега ног, влоча [свое] покрытое сосульками, почти невесомое брющко по [прзб.] верхушка бурьяна сажен пятьдесят»; «Влажное от снега, соприкасающееся с травой перо лучит восприят[ый]ую от травы [запах] горечь полышка и прогорклый душок чернобыля, это — сверху, а от синего пенька, до половины воззающего в мясо, [—] исходит запах теплой и солонцеватой кров[ью]и. . .» (№ 24, л. 37).

В начале 16-й главы Шолохов посчитал нужным полностью сменить мизансцену: «Около дверей в конюшню. [на пичкатых сапах, спдело] под навесом. стояло человек восемь казаков»; «Одни из [спдящих] стоящих затушили о сапог цыгарку, ответл. . .» (№ 24, л. 7); «— Так, товарищ Давыдов. . . [Сидим] Стоим, обчий кур устраниваем. . .»; «— [Сели покурить] Стали покурить да загутарились. Мягель думаем перегадить» (№ 24, л. 8). Чем вызвана такая правка? Видимо, тем, что первое состояние было менее правдоподобным: действие-то происходит зимой, когда холодно и метет метель, расслаиваться особенно не будешь. Мотивируя более достоверное второе состояние (стояли), писатель вводит упоминание о навесе и фразу о том, что казаки собрались здесь не только для того, чтобы перекурить и поговорить, но и для того, чтобы переждать метель.

Некоторые замены, сделанные автором в наборной машинописи, позволяют говорить о том, что Шолохов далеко не сразу распределил «роли» между эпизодическими фигурами романа, не без «накладок» провел предварительную «перепись» жителей Гремячего Лога, отнюдь не бесспорно наделил действующих лиц произведение теми или иными функциями, не совсем четко представлял себе место того или иного второстепенного героя в сюжетно-композиционной организации книги и что он уже тогда держал в голове план второй части «Поднятой целины», где количество персонажей заметно возрастет. Переименования, к которым прибегает прозаик, весьма красноречивы: «Днем работала погонычем в упряге [Архива] Афанасия Краснокутова. . .» (№ 26, л. 15); «. . . и без труда доказал сомневавшемуся в рентабельности такого предприятия [Демке Упакову] Аркашке Менку. . .» (№ 26, л. 13); «— [Вторая] Первая бригада вдоль борозды бороны гоняет. Такая волочьба ни к черту не годится. < . . > Я им указал на

это, а [Дубцов — рябой чертила] *Ушаков* — *раскосый черт* — говорит: „Твое дело по ковадлу стукать да мех дуть, сюда не суй посяку, а то мы его зараз плугом оттяпаем!“ Я ему на это отвечаю: „Допреж чем ехать мех дуть, я бы тебя, [ряб] *косого*, вздул!“ Ну, и за малым не подрались» (№ 23, л. 17—18); «— Идол бесчувственный! Каменюка холодная! — чуть не со слезами взголосила молоденькая [Палага] *Настена* Донецкова, усердно молотившая по спине Давыдова своими маленькими, но крепкими кулачками» (№ 24, л. 30); «Вешал и отпускал хлеб бывший колхозник Батальщиков Иван, ему помогал [Демид Молчун] *мухортенький Аполлон Песковатсков*» (№ 25, л. 1). Приведенный материал показывает, что у отдельных эпизодических героев идейно-художественная нагрузка окончательно определилась довольно поздно — лишь в процессе печатания романа: Шолохов что-то уточнял, перетасовывал, заменял с тем, чтобы даже случайные, проходные, маловажные фигуры имели свое неповторимое лицо, запомнились читателю, следящему за судьбами всех гремеченцев.

Человеческое обаяние гремеченского председателя неотразимо. А ведь писатель одно время даже опасался того, что его посланник рабочего класса может получиться холодноватым. Желая «утеплить» образ Давыдова, Шолохов вносит в наборную машинопись такое, к примеру, показательное уточнение: предложение «Любишкину решено было выдать пиджак, шаровары и сапоги» принимает другой вид — «Любишкину Давыдов распорядился выдать пиджак, шаровары и сапоги» (№ 21, л. 16).

Заботясь о ритме, о ровности интонационного строя, автор на многих страницах наборной машинописи переставляет слова и словосочетания, освобождается от необоснованной инверсии, уточняет местонахождение того или иного компонента предложения. Вот несколько характерных примеров: «*По случаю дождя* приехавший с поля [по случаю дождя] Демка Ушаков шел за нею поотдаль, и, вероятно не рискуя приближаться на более короткую и опасную дистанцию, просил. . .» (№ 23, л. 11); «. . . по возмужании пристрастился портить [девок] хуторских *девок* и на этом поприще стяжал себе < . . . > худую и громкую славу. . .»; «Парень этот, по прозвищу Дымок, [на редкость] был на *редкость* кучеряв» (№ 24, л. 22); «С минуту молчали, потом [Лушка] она [приподнялась] с неожиданной живостью *приподнялась*, охватила руками свои согнутые в коленях ноги и затряслась от приступа беззвучного смеха» (№ 26, л. 24); «Всю дорогу Половцев молчал, курить воспретил и [ехать] велел *ехать* не по дороге, а сбочь, [в] *саженях* в пятидесяти» (№ 22, л. 4); «У Любишкина лицо — красная [кирпичина] обожженная *кирпичина*. . .» (№ 21, л. 16); «Кондрат яростно тряхнул буденновкой, на смуглый стоян [его] шеи *его*, на воротник приношенного зипуна посыпались мягкие [мякинные] остья» (№ 21, л. 9); «. . . потом и сам дед Щукарь из подсолнухов вдруг окажется, [поковыляет к хате,] не глядя на проулок, *поковыляет к хате*. . .» (№ 21, л. 2); «. . . вывел злосча-

стную [кобылу], проявившую столь неожиданную прыть, *кобылу* за хутор... А Щукарь *уже* не осмелился [уже] снова сесть на цыганскую „мыслио“...» (№ 23, л. 16); «В этот момент он готов был [ее] смеющийся рот *ее* зажать ладонью, лишь бы она замолчала» (№ 26, л. 20); «Особо ретиво [бабы] его поддержали *бабы*» (№ 25, л. 24); «Грохот [копыт] конских *копыт* стался все ближе» (№ 25, л. 5); «[Банник] Не пожалел *Банник* ног, шныряя с база на баз...» (№ 24, л. 18); «Такое состояние [у него] было *у него* всегда незадолго перед припадком...»; «...этот парень насквозь *его* видит [его], понимает и сочувствует» (№ 24, л. 8); «Сколько сусликов *ты* убил [ты]?» (№ 23, л. 18); «А как же ей, сердяге, было не обмереть над колхозным добром, когда она за всю свою [горчайшую] жизнь *горчайшую* доброго куска ни разу не съела...» (№ 21, л. 16); «Говоришь, [мне] в глаз *мне* эта статья попала?» (№ 22, л. 12); «Лицо его было черно и обветрено, [глаза глубоко ввалились], кожа на скулах от худобы туго натянута, *глаза глубоко ввалились*...» (№ 26, л. 27).

В целом ряде случаев характер авторской правки наводит на мысль о том, что Шолохов не очень жалуется союз «и», соединяющий между собой однородные члены сложносочиненного предложения: писатель изгоняет его, обходясь без всякой связки, или заменяет каким-либо другим словом. Тем самым он обеспечивает фразе тот ритм, который считает нужным и единственно правильным, и достигает необходимой плавности повествования. Стяжения такого рода позволяют художнику избавиться от излишне длинных, чрезмерно осложненных предложений, которые довольно редко встречаются в его книгах (не любит Шолохов и очень короткие, рубленые фразы, дававшие о себе знать в произведениях 20-х годов), на чем мы остановимся несколько ниже.

Приведем конкретные примеры, демонстрирующие эту особенность шолоховского синтаксиса: «...голос Макара дрогнул [и], стал еще тише» (№ 22, л. 12); «Ранняя пшеница радовала всходами, но на участке второй бригады было около сотни гектаров кубанки, высеянных в первых числах мая[, и] Давыдов опасался, что посеянная с опозданием кубанка плохо взойдет...» (№ 26, л. 1); «...дед Щукарь, пересолив накануне кашу, решил выдобриться перед бригадой и, отправившись с вечера в хутор, переночевал там, а утром припас из дома мешок [и —], на пути в бригаду [—] завернул к гумну Краснокутова...» (№ 25, л. 16); «— Куда вы... — испуганно зашептал дед Щукарь [, и] Выглянув в полуотворенную калитку, *он* увидел, как Давыдов, словно подталкиваемый в спину порывистым ветром, идет по направлению к общественным амбарам неверным, но быстрым шагом» (№ 24, л. 35); «Давыдов вошел в свою комнату [и], зная, что за ним подсматривают, сделал вид, [что] *будто* старательно ищет» (№ 24, л. 30); «Он вертел своей круглой головой, крепкой, обточенной, как речной камень-голыш, вытирал пот с короткой красной шеи [и], сожалеюще причмокивал толстыми губами»

(№ 24, л. 8); «Макар оседлал коня, снял с него недоуздок [и], накинув нарядную уздечку, некогда принадлежавшую Титку, привычно поставил ногу в зазубренное стремя» (№ 24, л. 5); «Макар, видя со стороны Разметнова проявление живейшего интереса к его учебе, откинул настороженность [и], уже охотно заговорил. . .» (№ 24, л. 3); «Кинулся я бечь, а он догнал, да под нижнее ребро рогом подценил [и], кинул через плетень» (№ 23, л. 23); «Родился я на „Евдокию“, но в этот день не то что курочке негде было напиться, но даже, говорила мамаша, [и] воборьбы на лету замерзали к ядреной матери!» (№ 23, л. 20); «Федотка, помедлив, вдруг прыгнул на ходу с дрожек, как большой серый кузнечик [и], чикляя на одной ноге, прокричал. . .» (№ 23, л. 19); «Не вытерпел [и], сам выскочил мочомь поскорее запрячь» (№ 23, л. 18); «. . . поторговавшись, он сбавил и последний рубль, из полы в полу передал Шукарю повод недоуздка [и], даже притворно всхлипнул, вытирая рукавом ярко-синего длиннополого сюртука коричневый лоб» (№ 23, л. 13); «Та рассыпалась, со свистом рванулся из-под черепков воздух, дед Шукарь утробно икнул [и], облегченно, часто задыхался, без труда сорвал бабки» (№ 21, л. 13); «Через это мне и хотелось все поскорее сделать, покруче собственника — [и] мелкого буржу[ю]я — завернуть» (№ 22, л. 13); «Он встал вместе с Яковом Лукичем [и], не дав ему слова вымолвить спросил. . .» (№ 22, л. 5); «А Макар до конца собрания просидел молча, внешне ничем не проявляя своего волнения [и,] Давыдов, поглядывая на него, лишь единственный раз заметил, как по рукам Макара, обессиленно кинутым на колени, бугристой волною прошла крупная дрожь. . .» (№ 22, л. 17); «Хозяйка квартиры Нагульнова мне сказала, что он ежедневно [и] очень поздно приходит домой, где он бывает — ей неизвестно, но нам-то, товарищи, известно, где он может бывать!» (№ 24, л. 10); «Посветлевшими глазами оглядел он распростертый окрест его мир [и,] Ему уже казалось, что положение его вовсе не такое непоправимое [и] и безнадежное, каким представлялось несколько часов назад» (№ 24, л. 39); «Он всегда относился к Молчуну тепло [и], приязненно, питая непресоборимое уважение к его физическому могуществу» (№ 23, л. 3); «Половцев со всеми здоровался за руку, потом отошел с одним к окну [и] о чем-то, шепотом в течение пяти минут говорил» (№ 22, л. 4); «У нас был щеночек, маленький, я с ним как-то играл [и], как видно, больно ему сделал [и], что ли, Он меня и цапнул за палец, до крови укусил < . . . > Он — под амбар, я — за ним, [и] все бью его, прзб.] он — под крыльцо, но я его и оттуда достану и все бью его, бью» (№ 22, л. 2); «— Завтра уж прииду примерять, — [и пошел с база] *С база пошел* в повых шароварах с нампасами. . .» (№ 21, л. 16).

Вместо союза «и» даже с противительным значением в наборной рукописи нередко появляется противительный союз «но», так что Шолохов весьма последователен в своей правке, призванной в какой-то мере «разгрузить» текст, сделать его более ясным:

«На выезде из станицы хотел сесть верхом [и], но не смог: четыре раза поднимал ногу к стремям и, пьяно качнувшись, отрывался от луки...» (№ 24, л. 16); «Он вернулся за шапкой [и], но, видя, что по проулку спешит к нему народ, сам поспешил назад...» (№ 23, л. 15); «Ушла, и Давыдов вздохнул с облегчением, [и] но через минуту он уже сидел за столом, ожесточенно вцепившись в волосы, думал...» (№ 26, л. 21). Иногда соединительный союз «и» замещается Шолоховым наречием, выражающим пространственно-временные связи: «Она шла, направляясь прямо на ярки и капавки, и не перепрыгивала их, а падала [и], потом, опираясь на дрожащие передние ноги, вставала, трудно вздымая, слова шла...» (№ 23, л. 16);

Через синтаксис, построенное отдельно взятого предложения, ритм, интонацию автор «Поднятой целины», столь чуткий к своему времени, стремился передать динамику эпохи, атмосферу изображаемой действительности.²⁹ Роман Шолохова, как тонко заметил прозаик С. Ф. Буданцев в письме к В. Д. Ряховскому от 22 ноября 1932 г., «горит, жжется», поэтому его печатания «ждешь с нетерпением от продолжения к продолжению».³⁰ Разумеется, «Поднятая целина» далека от рубленой прозы и не несет на себе следов сиюминутных влияний, тем не менее в ее языковой фактуре хорошо прослушивается пульс времени, — об этом, в частности, и свидетельствует «пристрастное» отношение писателя к союзу «и», отношение, которое в какой-то степени сигнализирует об одной из особенностей шолоховского стиля конца 20-х — начала 30-х годов. Лишь в немногих случаях наборная машинка пополнилась данным союзом: «Теперь, товарищи, выслушайте мое короткое и важное слово к вам» (№ 25, л. 21). Без него только что приведенная фраза не обрела бы свойственную ей естественную ровность: в музыке прямой речи наблюдался бы еле ощутимый сбой.

Как уже можно было убедиться на иллюстрациях с союзом «и», Шолохов довольно часто, совершенствуя художественный текст, прибегает к разбивке больших предложений — из одного делает два. Вероятно, это усечение также продиктовано интонационно-ритмическими соображениями, желанием привести в мак-

²⁹ «Когда я в первый раз выступила за границей, это было в 1927 году, — говорила Л. Н. Сейфуллина, — меня спрашивали, почему наша проза такая рубленая, короткая проза, почему у нас много неправильных оборотов, почему наш язык засорен провинциализмами и т. д. Я объяснила это тем, что каждое произведение посыл на себе дыханье, темпы своей эпохи, размер шага этой самой эпохи. Мы писали в период гражданской войны, жизнь была торопливая, как торопливо дыхание на бегу у людей, и та проза соответствовала своему назначению, она тогда не раздражала. Произведения, написанные в том периоде этой рубленой прозой, оправданы» (Сейфуллина Людья. О литературе: Статьи. Заметки. Воспоминания. М., 1958, с. 77).

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 422, оп. 1, ед. хр. 116, л. 165. Пользуемся случаем, чтобы принести благодарность исследовательнице творчества С. Ф. Буданцева М. М. Калантаровой, обратившей наше внимание на этот интересный документ.

символьное соответствие предмет изображения и средства, присмысленного изображения, «зафиксировать» скорость коллективизации, добиться того, чтобы каждая клеточка произведения работала на целое, лучше бы высвечивая его. Действие «Поднятой целины» развивается весьма стремительно, неспроста в ней есть даже детективный элемент, столь редкий в книгах Шолохова и не очень «сподручный» для эпического повествования вообще. Дроблением длинных фраз и оборотов писатель как бы усиливает ощущение стремительного, хотя и трудного, бега жизни, вставшей на дыбы.

Большие предложения — «Этак можно в дым обмараться, с такой работой можем в миг влететь на черную доску, да так и присохнем на ней!», «Нагульнов террор устроил, никому не дает слова сказать, вместо того, чтобы вести разъяснительную работу, он орет на хлеборобов, случит ногами, грозит оружием», «Милиционер, сопровождавший партию осужденных, три раза крикнул Дымку „стой“, но тот, пригнувшись, бежал по пахоте к нему, до кустов оставалось сажений пятнадцать, тут-то милиционер стал на колени, вскинул винтовку и с третьего выстрела положил Дымку насмерть», «Ить наш председатель совета так нас зануздал было, что на собрании и слова супротив него не скажи, подтягивал нам подпруги, неплохо, дыхнуть нечем было...» — делятся на два предложения, вторые начинаются соответственно со слов: «С такой работой...» (№ 25, л. 21), «Вместо того, чтобы...» (№ 24, л. 10), «До кустов оставалось...» (№ 26, л. 10), «Подтягивал нам подпруги...» (№ 22, л. 6). Есть усечения и иного плана: оно порой играет акцентную роль — подчеркивает, выделяет (см.: № 21, л. 11). Укорачивание коснулось и авторского повествования, и прямой речи (см. также: № 22, л. 7; № 24, л. 15). Дробя предложения, входящие в состав диалогов, писатель стремился передать особенности устной разговорной речи.

Шолохову, однако, не нравились и слишком короткие фразы: он объединял их, в результате чего получались более распространенные простые или бессоюзные сложные предложения, не отличающиеся особой длиной (см., например, № 21, л. 12; № 25, л. 5; № 24, л. 19 и др.). Между двумя предложениями: «Но после того, как он кинулся от весов на приклетку амбара и стал, заслонив собою дверь, настроение большинства сразу определилось. Вслед за Дымковым возгласом посыпались крики...» — двоеточие появилось (после слова «определилось» — № 25, л. 2), по-видимому, потому, что второе предложение конкретизирует содержание первого. Длина шолоховского предложения дает основание сделать вывод о том, что автор «Поднятой целины» придерживается золотой середины: не культивирует ни толстовской, очень пространной фразы, ни чеховской, как правило, лаконичной.

Для придания художественной речи большей подвижности и разнообразия романист неоднократно вместо глагольного сказуемого обращается к деепричастию, которое, как известно, «осложняет» описываемое основное действие, сопутствует ему, делает его объемнее и разветвленное и сообщает фразе дополнительную мо-

бильность: «[Любишкин] поправил (исправлено на «поправив») на голом, горячем от солнца ленчике седла разостланную дерюжку, *Любишкин*³¹ медленно стал садиться» (№ 25, л. 12); «К стенкам!.. — и, выхватив (вместо «выхватил») наган, держа его в вытянутой руке, направился к двери» (№ 22, л. 8); «...спросил у него Давыдов, на ходу взяв из рук Кондрата занозу, кинул (исправлено на «кинув») ее под ноги» (№ 25, л. 20); и т. п. Иногда деепричастие появляется там, где сперва было наречие: «...хмуро (исправлено на «хмурясь») сказал Разметнов...» (№ 22, л. 14). Встречается и обратный ход — деепричастие вытесняется глаголом, что, вероятно, продиктовано стремлением Шолохова к гармонизации повествования, достигаемой в отдельных случаях с помощью перечислительной интонации, последовательной расстановки однородных членов предложения: «Коня он оседлал сам, тщательно разгладил потник, подтянул (вместо «подтянув») подпруги» (№ 22, л. 10).

Прозаик, являющийся тонким стилистом, делает большое количество префиксально-суффиксальных исправлений-замен, призванных то точнее передать оттенки его мысли, то пригладить языковые шероховатости, то усилить речевую характерность какого-нибудь героя: «— За вас же, сволочей!.. — неожиданно звонко сказал Давыдов и повел по сторонам странно [пр]осветлевшими глазами...» (№ 24, л. 32); «Уж коли вы так дело [на]поворачиваете, я не могу промолчать!» (№ 21, л. 10); «...но на разбитых губах его уже [с]заскользила усмешка...» (№ 25, л. 7); «Ему хотелось [по]кончить это тяжелое дело поскорее» (№ 24, л. 12—13); «Секретарь прикрыл глаза [при]пухлыми веками, тяжело облокотился» (№ 24, л. 7); «...цвет[и]а-стая радуга» (№ 25, л. 19); «...на одном из правленческих жеребцов...» (№ 25, л. 13); «...прослы[x]шавший об отъезде Макара...» (№ 25, л. 2); «...пиявками присасывались к обессиле[нно]вшему Давыдову...» (№ 24, л. 32); «Из куреня доносился гул взволнова[вшихся]нных голосов...» (№ 22, л. 8); «Половец... вытер тылом ладони пот на лбу и громче продолж[и]ал...» (№ 22, л. 4); «...опарашенный неожиданным оборотом макаро[вско]вой речи...» (№ 21, л. 6); «...кулаков, уезжа[ющ]вших в студеные полярные края...» (№ 21, л. 5); «...и пузцо сытенькое...» (№ 23, л. 20); «Не у цыганов?» (№ 23, л. 15); «Никогда за время существования Гремячего Лога газета не собирала вокруг себя тако[e]го множество[o]а слушателей...» (№ 22, л. 10); «И зараз ты голосуешь против[у] меня?» (№ 24, л. 15); «...на его небольшую, но складную, как у ястреб[а]ка, фигуру» (№ 24, л. 22); «Махнет он зараз в окно, а я останус[ь]я, как рак на мел[и]е!» (№ 22, л. 8); «...народ силком загоняли в колхоз и церк[овь]ва́ без спросу закрывали...» (№ 22, л. 6); «...аккуратно сложенную вчетверо газет[ку]у» (№ 22,

³¹ Перенос подлежащего обусловлен, прежде всего, решением Шолохова использовать неизменяемую глагольную форму.

л. 5); «...тихо постучался» (№ 22, с. 4); «...из седельной сум[ки]ы вынул казачьи синие с лампасами шаровары, надел, а свой, по самый высокий простроченный пояс, повесил над лежанкой просуши[вать]ть» (№ 22, л. 1); «...несколько неуверенно отве[ти]чал он»; «...сел на койк[е]у» (№ 26, л. 19); «...с треском отлетали подметки с казачьих чириков п сапог[ов]...» (№ 26, л. 16); «При дожде нелз[н]я пахать, товарищ Давыдов» (№ 25, л. 19); «...воду черпал он в ближайшем мелководном пруд[у]е...» (№ 25, л. 17); «Давыдов от неожиданно[сти]го рывка откинулся назад...» (№ 25, л. 14); «Мы, граждане, сами привыкли врагов пролетар[гья]иата ставить на колени. И мы их поставим» (№ 25, л. 7); «...колхозники второй п третьей бригад[ы]...» (№ 25, л. 5); «...он провел решенне обобществ[ля]ить домашнюю птицу п весь мелкий п молочный скот...» (№ 24, л. 10); «Они решпл[нсь]и действовать хитростью» (№ 25, л. 3); «В безлюд[н]ьиں пустовал бугор...» (№ 24, л. 31); «...в отчаян[пости]иں вскрпчал Щукарь...» (№ 23, л. 15); «Кобылка сива, не очень красива[я]...» (№ 23, л. 12); «Тебе как бедняку отдадим без разговор[у]а, факт» (№ 23, л. 2); «...трехдневный запас харч[а]ей» (№ 22, л. 4); «...запет он нам выпущать цыплят[ко]е сотнями» (№ 21, л. 12).

Встречаются п совсем уж крохотные замены, которые, как правило, вызваны тем, что автор избегает языкового патуралпзма п уподобления литературного языка устной, разговорной речи, п которые распространяются лишь на реплики героев — посетителей донского диалекта (см., например, № 24, л. 24; № 25, л. 14, 3; № 22, л. 14; № 21, л. 6; № 23, л. 20). Шолохов отказывается от некоторых фонетических искажений в речи действующих лиц романа (см., например, № 23, л. 20).

Подставляя восклицательные знаки, писатель добивается полного соответствия прямой речи ремаркам повествователя или же подчеркивает эмоционально-экспрессивную окраску высказывания того или иного персонажа (№ 24, л. 10; № 26, л. 30, п др.).

Шолохов, в произведениях которого встречается немало областных слов, решает дать пояснение — быть может, по просьбе редакции журнала «Новый мир» — к выражению «глухая пора», распространенному на Дону, п не только на Дону. В примечании, которым снабжено предложение «В 1930 году впервые пчезла „глухая пора“,», он указывает, что «глухая пора» — это «промежуток времени между весенним севом п покосом трав» (№ 26, л. 10). В современных изданиях «Поднятой целишы» эта ссылка, появившаяся в ту пору, когда начиналось «гопение» на диалектизмы п местные речения, как правило, отсутствует.

Необходимо заметить, что между наборной машиннойпсью (уже с учетом правки автора) п первой публикацией есть несколько мелких расхождений, касающихся таких моментов, как расстановка знаков препинания, написание отдельных слов, снятие с них излишней диалектной окраски (а иногда наоборот — сгущение ее), сведение до минимума нецензурных или слишком грубых

выражений, освобождение от примет устной речи и др., что свидетельствует о том, что кое-какие уточнения делались Шолоховым или редактором на последней стадии прохождения текста — в корректуре. Разночтения, разумеется, не имеют принципиального значения, они носят, как правило, «косметический» характер, «облагораживают» художественную ткань, поэтому нет сужды задерживаться на примерах этого не стопроцентного совпадения, тем более что при переизданиях первой книги писатель больше ориентировался на наборную машинопись и на свою правку, чем на журнальную публикацию романа.

Знакомя читателей с наборной машинописью нескольких глав «Поднятой целины», мы стремились как можно полнее — почти исчерпывающе — продемонстрировать изменения, внесенные в текст Шолоховым. При этом мы руководствовались суждением Пушкина, что «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства».³²

Говоря об авторской правке, необходимо постоянно иметь в виду то обстоятельство, что перед нами не рукопись, а наборная машинопись первой части произведения. Шолохов, работая с машинописью, вероятно, в каких-то частностях не соглашался с редактором, отвергал его «улучшения» и настаивал на своем, т. е. наборную машинопись максимально приближал к рукописи, отправленной в «Новый мир».

Завершая разговор об одном из ценнейших документов шолоховского фонда, нужно еще раз подчеркнуть, что история печатного текста «Поднятой целины» представляет для исследователей не меньший (если не больший) интерес, чем рассмотренная правка наборной машинописи. Научное издание романа о коллективизации, как, впрочем, и других произведений Шолохова, потребует от филологов напряженного труда. Хотелось бы надеяться, что наши наблюдения над авторской правкой хоть немножко облегчат решение этой сложной и актуальной задачи. Анализ остальных материалов, хранящихся в ИРЛИ (имеются в виду прежде всего автографы «Тихого Дона»), надо полагать, также будет способствовать этому. Нет сомнения в том, что литературоведы обратятся к ним в ближайшее время, ибо, как заметил Пушкин, «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».³³

³² Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, с. 75. «Мы, — конкретизировал свою мысль великий поэт, — с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записок к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначущие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером, написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов» (там же).

³³ Пушкин. Полн. собр. соч., т. VIII, кн. 1, с. 13.